

В.И. Яковенко

Томас Карлейль

**Его жизнь и литературная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

B11   **В.И. Яковенко**
Томас Карлейль: Его жизнь и литературная деятельность / В.И. Яковенко – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2462-4

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2462-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.И. Яковенко, 2021

Валентин Яковенко

Томас Карлейль. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк В. И. Яковенко
С портретом Карлейля, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Глава I. Каменщик и его семья

Родина Томаса Карлейля. – Отец. – Его детство. – Характеристика. – Мать. – Общий строй семьи.

Небольшое торговое местечко Эклфекан, где родился Томас Карлейль, лежит милях в шести к востоку от Солуэйского залива. Местность эта не отличается особнякими красотами, а в конце прошлого (XVIII. – Ред.) века она представляла еще довольно дикий уголок Шотландии. Лесистые холмы, прекрасные луга, Кумберландские горы на горизонте и шум морского прибоя, доносящийся по ветру, – вот та природа, среди которой протекло детство будущего «пророка» наших времен.

Жителей этой пограничной полосы тогда еще мало коснулась культура; благодаря тревожной жизни в эпоху, предшествовавшую объединению двух королевств, постоянным набегам и грабежам, они отличались суровыми и грубыми нравами, умели постоять за себя и на удар ответить ударом. Они обнаруживали больше склонности к разбою, чем к рабской покорности. Вместе с тем развивались среди них и разные религиозные секты. Суровые камероны и жестокие преследования были у всех еще в памяти во время детства Томаса Карлейля. Старые секты уступили место новым, но дикий в своей непосредственности и ожесточенный тяжелыми условиями жизни народ по-прежнему не признавал установленной церкви и разбивался на множество разнообразных религиозных толков.

В семье Карлейля сохранилось воспоминание, как один из его предков был несправедливо повешен за воровство скота. Однако семейные традиции не идут особенно далеко. Много времени спустя, когда Томас Карлейль стал знаменитостью, услужливые «кантиковарии» открыли, что Карлейли – обнищавшие потомки некогда богатой и знатной фамилии, переселившейся из Англии в Шотландию во времена Давида II, что в этой семье были также свои *лорды* и так далее. Но во всяком случае Томас родился от простого крестьянина, каменщика по профессии, а впоследствии фермера, и предки его, насколько сохранились о них воспоминания, были также простыми крестьянами, зарабатывавшими свой хлеб собственными руками.

Отец Томаса – Джеймс Карлейль – личность далеко не дюжинная. В этом суровом, лишенном образования каменщике-крестьянине лежали под спудом все дарования его великого сына. Джеймс мог бы тоже стать знаменитостью, если бы судьба не обрекла его на неустанный физический труд. В детстве он испытывал великую нужду. Его отец, и дед нашего Томаса, человек также сильный и непокладистый, тяготел больше к бродячей жизни и приключениям, мало заботился о своей семье, покидал ее и предоставлял ей самой промышлять о себе. Оставленные мать и дети часто голодали: овсяная похлебка составляла нередко всю их еду. Маленький Джеймс добывал как-то четыре картофелины (тогда картофель был еще редкостью) и припрятал их на черный день; но, увы, они проросли. «Бедные дети! – восклицает Карлейль в своих „Воспоминаниях“, – они должны были бороться и добывать сами себе одежду и пищу!» Джеймс не отказывался ни от какой работы: занимался вязаньем, крыл крыши соломой и тростником, но больше всего промышлял охотой на зайцев. Нужда закалила его

и воспитала в нем настоящего стоика. По счастливой случайности в их доме поселился каменщик, который вскоре женился на его старшей сестре и обучил всех мальчиков своему ремеслу. Таким образом Джеймс бросил случайные занятия; из него вышел образцовый мастер своего дела. В юноше были задатки глубокой религиозности; он скоро подпал под влияние одного родственника и сделался убежденным верующим сектантом. Его жизнь, замечает по этому поводу Томас, озарилась небесным светом; он стал человеком. Небольшая группа религиозных отщепенцев построила в Эклфекане свою молельню – убогое здание, «покрытое вереском», – избрала проповедника и сурово проводила в жизнь свои религиозные верования. «Этот прекрасный союз, эта убогая, крытая вереском молельня, этот первобытный проповедник Евангелия» имели на Томаса, по его собственному признанию, в высшей степени благодетельное влияние.

Джеймс Карлейль был женат два раза: первая жена умерла вскоре после брака, оставив одного только сына; от второй жены, Маргарет Эйткин, Джеймс имел много детей, в том числе первенца Томаса. «Во многих отношениях, – говорит Томас Карлейль в „Воспоминаниях“, – я считаю своего отца самым интересным человеком, какого только встречал когда-либо». Он отличался громадными природными дарованиями. Его блестящая смелая речь обильно, несмотря на всю его необразованность, лилась, питаемая неиссякаемыми источниками его душевных сокровищ; она изобиловала метафорами, краткими меткими выражениями и словами, определенно, живо, ясно, точно в солнечном свете рисовавшими предмет, о котором шла речь. «Я никогда не слышал подобной речи», – замечает Томас. Он не имел обыкновения клясться, да ему и незачем было: слово, вырвавшееся из его уст в минуту возбужденного состояния, проникало, точно раскаленная стрела, в самое сердце человека и производило более сильное впечатление, чем какая угодно клятва. Он никогда не говорил о своих горестях и неприятностях (добродетель, которой, замечает Томас, мне следовало бы научиться), оставался совершенно равнодушным к людскому говору и суждениям и вместе с тем пользовался всеобщим уважением окружавших его людей. Человек всегда должен иметь в виду труд, в труде весь смысл его существования – вот великая истина, которую Джеймс Карлейль понял и усвоил, можно сказать, инстинктивно, благодаря своему прирожденному здравому смыслу, так как он был совершенно лишен того, что мы называем образованием. Пустую болтовню он ненавидел, но с удовольствием выслушивал рассказы о предметах, представлявших для него интерес, и проводил целые дни в беседе. Если судить о нем по числу сказанных слов, то его придется признать скорее за молчаливого человека. Он в немногих словах умел обрисовать целую жизнь, сразу осветить целый вопрос и так далее.

Мы все боялись его, говорит Томас, так как он отличался вообще раздражительным, холерическим темпераментом, хотя никогда не поддавался чувству гнева, никогда не доходил до бешенства. Этот гнев скорее вдохновлял его и давал ему силу глубже проникать в предметы. Нужно было быть действительно отважным человеком, чтобы устоять и не струсить перед его пылающими негодованием глазами, не устрашиться его голоса, всегда громившего всякую неправду. Несмотря на глубокую серьезность, даже суровость, это был человек, способный смеяться «во всю глотку» и от всего сердца, – человек вообще чуткий и отзывчивый; нередко можно было заметить слезы на его глазах; при чтении Библии

голос его дрожал и губы кривились. Но только раз Томас видел его в припадке отчаяния, именно во время серьезной болезни жены.

«По справедливости я могу назвать его, — продолжает свои „Воспоминания“ сын, — человеком отважным. Он не боялся человеческого лица: он боялся одного только Бога. Вообще, разве я не должен радоваться, что Бог дал мне такого отца, что с самых юных лет я всегда имел перед собою образец настоящего человека? Пусть же послужит он *мне* примером! Пусть мои книги будут так же хороши, как его поступки!»

Увы, в наши дни лжеобразования только среди так называемых необразованных людей, то есть людей образованных опытом, вы можете встретить еще *человека*. Я горжусь своим отцом-крестьянином и ни за что не променял бы его ни на какого короля... Я обязан ему возвышающим, вдохновляющим примером...»

Однако дети чувствовали себя связанными в присутствии этого сурового отца: они любили его, но не смели открыто выражать свою любовь; он казался им недоступным. Даже мать Томаса, как она впоследствии сама признавалась, никогда не могла понять мужа и говорила, что ее любовь и ее удивление перед ним всегда наталкивались на какую-то преграду. Только впоследствии, когда сам Томас возмужал и пользовался большим уважением со стороны отца, он освободился от этого невольного стеснения и мог свободно общаться с ним.

Мать Карлейля, кальвинистка, представляла собой воплощение религиозности и нежно любила своего первенца. Она неустанно заботилась как о его физическом здоровье, так и о духовной чистоте, в особенности о последней — о его религиозности. Если в отце мы находим уже все задатки, развившиеся полным цветом в сыне и из простого каменщика сделавшие его гением современной Англии, то в заботливой, любящей матери — беззатратно преданное сердце, легко и свободно отзывавшееся на все его скорби. Несмотря на то, что Карлейль не разделял впоследствии ее верований, чего она страшилась больше всего, между ними сохранились самые трогательные, самые нежные отношения. Суровая пуританка научилась даже писать, чтобы поддерживать непосредственную связь с сыном.

Само собою понятно, что общий строй семьи, образованной двумя такими личностями, не мог отличаться особенной легкостью и той буржуазной жизнерадостностью, какая составляет обычный семейный идеал в наше время. Это были серьезные, сурово религиозные, вечно трудящиеся люди, и семья их была религиозная, серьезная, трудовая.

Труд каменщика не приносил особенно больших барышей. Сто фунтов стерлингов (тысяча рублей) — вот наивысший годовой заработок, о котором только мог мечтать честный каменщик, а содержание девяти душ детей требовало немалых расходов.

Поэтому известное стеснение и тягость всегда чувствовались в доме Карлейлей, хотя до нужды дело не доходило. Одним словом, представьте себе нашу большую крестьянскую семью, принадлежащую к какому-нибудь сектантскому толку, — семью средней зажиточности, живущую исключительно трудами рук своих, поставьте во главе ее личностей в высшей степени одаренных от природы, серьезных и приверженных своему учению, и вы получите подобие семьи, вскормившей своеобразный гений Карлейля. При другой обстановке он, по всей вероятности, погиб бы бесследно для человечества. Там, «на верхах», куда

неизбежно подымается со временем всякое дарование, слишком уже все противоречило основным задаткам Карлейлева гения, и только благодаря нерушимому фундаменту, заложенному в детстве, он мог выйти победителем из столкновения с этими чуждыми ему «верхами» современного общественного уклада. «Нас всех с детства, – говорит он в своих „Воспоминаниях“, – приучили к мысли, что труд (физический и умственный) – единственное дело, которое обязательно должно делать, и нас постоянно поощряли наставлениями и примерами делать его хорошо. Затем, нас вечно окружала атмосфера непреклонного авторитета. С первого же момента жизни мы чувствовали, что наше собственное желание часто не значит еще ничего. Нельзя сказать, чтобы это была радостная жизнь (но что такое жизнь?), однако, во всяком случае жизнь спокойная, правильная и, что важнее всего, – здоровая, какая встречается вообще крайне редко. Мы все были скорее молчаливы, чем болтливы; но зато в том немногом, что говорилось, всегда было известное содержание».

Следует еще при этом заметить, что семья Карлейлей вовсе не отличалась тем пассивным прекраснодушием, которое нередко сопутствует религиозности; на против, Карлейли во всем околотке пользовались славой людей, умеющих постоять за себя, скорее даже задорных и буйных, чем безответных и пассивных.

Итак, идеи глубокой искренней религиозности, крайне серьезного отношения к жизни, трудового начала как основы всего, активного, деятельного существования, долга, авторитета, наконец, «великого царства молчания» и многие другие, через несколько десятков лет устами Карлейля провозглашенные перед удивленным английским обществом, привыкшем, по крайней мере в своих верхних слоях, относиться с совершенно иной точки зрения к жизни, – все эти идеи маленький Том взял из ячейки, сложенной грубыми руками простого крестьянина. В его жизни мы имеем редкий уже в настояще время пример того, каким образом семья может содействовать развитию дарования.

Глава II. Юношеские годы и пора сомнений

Школа. – Шотландские университеты и студенчество. – В Эдинбургском университете. – Карлейль – школьный учитель. – Мечты о литературной деятельности. – Эдвард Ирвинг. – Первая симпатия. – *Finis мыслям о священническом звании и учительству.* – В Эдинбурге. – Сомнения. – «Нет, я не принадлежу тебе!»

Томас Карлейль родился 4 декабря 1795 года; он, как я сказал выше, был первым ребенком Джеймса от второй жены. Первоначальной грамоте научила его мать, а некоторые сведения из арифметики сообщил отец. Пяти лет Томас уже посещал деревенскую школу и к семи годам овладел вполне английской грамотой. Идти дальше значило браться за латынь; но ее не знал даже сельский учитель.

Соседи советовали отцу Карлейля на этом и остановиться, говоря: «Воспитай мальчика, – а он вырастет и станет презирать своих необразованных родителей». Однако мужественный каменщик не побоялся трусливых пророчеств и отправил своего сына в Аннанскую школу, нечто вроде наших классических гимназий. «С благодарной верой, – говорит Карлейль, – он открыл мне дверь в тот мир, который для него остался навсегда недоступным». Отправляя своего любимца, мать взяла с него слово, что он не станет впутываться в драки с товарищами-школьниками и не будет давать сдачи. Всякий побывавший в школе поймет, как дорого бедному мальчику обошли эти обещания. Его нещадно преследовали; он, при своем страстном и даже буйном нраве, горел желанием постоять за себя, но крепился и уходил от товарищей. Наконец ему стало невмоготу. Однажды он бросился на самого большого забияку в школе и стал бешено колотить его. Последовала потасовка. Том был побит, но и противник порядочно пострадал от его кулаков. С этих пор товарищи перестали его преследовать: они убедились, что его трогать опасно.

В Аннанской школе Карлейль изучал латинский и французский языки, арифметику, алгебру, геометрию и получил общие сведения из географии. Он с жадностью прочитывал все книги, какие только мог достать. Отец, внимательно следивший за успехами своего сына, решил продолжать образование дальше и отправить его в Эдинбургский университет. Тому было всего лишь четырнадцать лет, когда совершилось это важное для него событие. Быть может, нелишне будет сказать несколько слов о шотландских университетах того времени и о студентах, которые весьма резко отличались от английских и своим демократизмом напоминали наше студенчество недавнего прошлого; но это было еще более демократическое, настоящее крестьянское студенчество. Юноши, посещавшие в ту пору шотландские университеты, были в большинстве случаев детьми таких же бедных родителей, как и Карлейль. Они прекрасно знали, чего стоило их родителям уделять из своих ничтожных заработков даже те ничтожные крохи, на которые они существовали в университетском городе, и им приходилось дорожить своим временем, стараясь приобрести возможно больше знаний в возможно меньший период. Они могли слушать лекции только в продолжение пяти месяцев, а затем расходились в разные стороны: кто становился учителем, кто работал на ферме, кто принимался за ремесло своего отца и таким образом добывал сумму, необходимо

димую для оплаты своего обучения. Каждый такой студент был обыкновенно надеждой семьи, самым выдающимся ребенком, на которого решались затратить последние средства, лишь бы вывести его в люди. Свои путешествия в университет и из университета домой эти истинные дети народа совершали пешком, не потому, конечно, чтобы они придерживались самодовлеющего принципа воздержания от всяких усовершенствованных путей сообщения, а просто потому, что у них не было средств. Четырнадцати-пятнадцатилетнему юноше приходилось самому заботиться об устройстве своей жизни в неизвестном городе. Он приходил в Эдинбург или Глазго, определялся в университет, подыскивал помещение по своему карману и принимался за умственную работу, чтобы через пять-шесть месяцев снова возвратиться к тяжелому физическому труду. Из дома он получал съестные припасы: овсяную муку, картофель, соленое масло и изредка, что составляло уже роскошь, яйца – и отправлял домой свое грязное белье, где оно мылось, чинилось и так далее. Таким образом, между юношей и его семьей поддерживались постоянные сношения; но что касается поведения, то он предоставлялся вполне самому себе; университет также не вмешивался в его жизнь. При таких условиях особенное значение получают товарищества, возникающие обыкновенно среди молодежи; они оказывают громадную поддержку как в материальном, так и в нравственном отношении. Шотландские студенты из народа группировались в своего рода землячества, делившиеся своими материальными достатками и умственными капиталами, образовывали клубы, где обсуждали разные вопросы – научные и житейские, спорили и так далее. Такова была их обычна житейская школа, и в воспитательном отношении, то есть в смысле образования независимого самостоятельного характера, едва ли возможна какая-либо иная лучшая школа жизни.

В ноябре 1809 года Томас Карлейль, под присмотром некоего студента «Тома малого», юноши года на два, на три старше его, отправился пешком в Эдинбург; отец и мать его провожали до большой дороги. Образ любящей матери, трогательно прощающейся со своим любимцем, трепещущей за его будущность, живо рисуется ему 57 лет спустя после этого события. Если Карлейль унаследовал от отца некоторые особенности своего гения, то матери он в значительнейшей степени обязан надлежащим развитием этих способностей: она с детства окружила его атмосферой любви, истинной, правдивой религиозности, кальвинистской стойкости и непреклонности; быть может, благодаря только любящей матери и – в позднейший период жизни – любящей жене, Карлейль не погиб под тяжестью своих дарований и физических мук, так как только любовь могла смягчить эту страшную *серьезность*, граничащую нередко с жестокостью.

В Эдинбургском университете Карлейль не нашел сколько-нибудь выдающихся профессоров, да и не мог найти, так как университет этот был беден, а выдающиеся профессора обыкновенно дорого себя ценят. Об одном только профессоре – математике Лесли, сумевшем отличить юношу и пробудить в нем любовь к своему предмету, Томас сохранил добрые воспоминания, а остальных зла осмеял впоследствии в своем известном *«Sartor Resartus»*.

Застенчивый и малосообщительный, Карлейль сошелся лишь с немногими товарищами по студенческой скамье, такими же крестьянскими детьми, как и он сам; но в этом тесном кружке он пользовался большим влиянием и играл первую роль. К нему обращались во всех затруднительных случаях за советом; его речи

невольно приковывали к себе всеобщее внимание, так как были «уж слишком насмешливы для такого молодого человека», как говорили студенты постарше. В письмах его называют «Джонатаном» (имеется в виду Свифт) или «деканом» (тоже). Сотоварищи не могли не заметить, что он не похож на других, что он превосходит других и своим характером, и своим умом; уже с этого времени, даже еще раньше, о нем говорили: «Известно, какое отвращение Том питает ко всему неестественному, деланному». Таким образом, с ранних пор сотоварищи предрекали ему великую будущность в том или ином роде. По настойчивому желанию родителей Карлейль готовился к священническому званию. Но уже на студенческой скамье он сознавал, что не имеет ни малейшей склонности к этой профессии, что впереди его ожидают тяжелые сомнения, делающие ее невозможной для него, и что дело тут, собственно, не в формализме, который не заключает в себе ничего бесчестного, раз ему предшествует вера, а именно в отсутствии такой действительной *веры*. Однако до принятия священнического сана было еще много времени. Если бы он остался в Эдинбурге, то ему пришлось бы целых четыре года слушать богословские лекции; он предпочел занять место учителя математики в Аннанской школе и уехал; таким образом, по существовавшим правилам только через шесть лет, при условии, что он будет ежегодно являться в Эдинбург и произносить там пробную проповедь, он мог получить звание священника. Но Карлейль не чувствовал также никакой симпатии к учительской профессии. Он просто хотел освободить отца от дальнейших издержек и скопить сколько-нибудь денег, которые могли ему пригодиться в будущем. Свои учительские обязанности он исполнял вполне добросовестно, но с местным обществом не сходился, напротив, уединялся, погрузившись всецело в свои книги, особенно в «Principia» Ньютона. Его переписка с университетскими друзьями за это время обнаруживает неизменный рост умственных сил; его умственный горизонт постепенно расширяется; он научается ценить Шекспира, хотя еще и не восхищается им так, как впоследствии; «Исповедь» Руссо раскрывает ему, что он вовсе не круглый дурак, и так далее. «О Том, — пишет Карлейль к одному сотоварищи, — что ты за безумное, льстивое создание! Ты толкуешь о будущей моей известности в связи с литературной историей девятнадцатого века! Увы, мой добрый друг, если все мои фантазии, мечты и думы будут сметены прочь метлой забвения, — литературная история любого столетия не потерпит от этого ни малейшего ущерба. Но не думай, что я отношусь совершенно безучастно к литературной славе. Нет: небесам ведомо, что с тех пор, как я вообще сознательно отношусь к жизни, желание приобрести известность стало моим главным желанием. О судьба!.. Ты указуешь каждому смертному его место на этой грязной планете, возлагаешь (когда это тебе угодно) королевские и иные короны, раздаешь саны и достоинства, облекаешь властью, наделяешь деньгами и пудингами великих, благородных и тучных особ нашей земли! Соблаговоли, дабы я мог достигнуть литературной славы, сохранив в сердце своем *непреклонную независимость, недоступную ни твоим милостям, ни твоим превратностям*; и пусть тогда голод будет моим уделом — я все-таки буду улыбаться при мысли о том, что не был рожден королем...» Девятнадцатилетний Карлейль как бы предвосхищает свою действительную судьбу. Еще далеко то время, когда он выступит на литературном поприще, но он выступит. Он не будет искать, по крайней мере, сознательно, славы, но она придет, придет несмотря на то, или, вернее, именно потому, что